

В мертвой тишине комнаты разносился лишь прерывистый, kloкочущий хрип — последнее, что успевал оставить этому миру умирающий лазутчик.

Сюнь Хайши прислонился к краю стола. Дверь была распахнута настежь. Сквозь ровный прямоугольник проема лился лунный свет, рисуя на полу бледный четырехугольник. К ногам Сюнь Хайши тянулась лишь узкая, прямая полоса — четкая граница, разделившая комнату на два мира. В эту не слишком темную ночь сам он оставался в глубокой тени, тогда как стоящий перед ним человек был залит призрачным серебряным сиянием.

Сюнь Хайши прищурился, неосознанно коснувшись родинки на указательном пальце левой руки.

Это было его давней привычкой, особенно когда он погружался в раздумья.

Подчиненные из Павильона Небесной Оси знали этот жест слишком хорошо. Стоило главе ордена пошевелить пальцем, как у любого свидетеля спина покрывалась холодным потом, а одежда промокала насквозь. Ведь в подавляющем большинстве случаев это означало лишь одно — кто-то очень скоро умрет.

Сюнь Хайши редко позволял себе произвольные жесты, считая их уязвимостью — лазейкой, через которую чужак мог заглянуть к нему в душу. И если эта единственная привычка все же сохранилась, то лишь потому, что он сделал ее частью своей игры.

Порой личные причуды служат отличным оружием для устранения.

Но сейчас он не собирался никого убивать или запугивать. Этот машинальный жест удивил даже его самого — он и сам не понимал, что им двигало.

Сюнь Хайши долго молчал, просто глядя на Се Юйсуй.

Се Юйсуй помедлил у порога. Бросив короткий взгляд на тело, которое дернулось в последний раз и затихло навсегда, он притворил дверь. Когда он повернулся обратно, его лицо по-прежнему оставалось бесстрастной маской.

Теперь и он шагнул в полумрак. Лунный свет погас.

Се Юйсуй обошел труп и спросил:

— В доме есть кто-то еще?

— Пока нет... — отозвался Сюнь Хайши. — Еще не успел осмотреться.

Се Юйсуй приподнял портьеру, отделявшую жилую часть комнаты, и шагнул внутрь, но уже через пару шагов замер как вкопанный.

Не понимая, что привлекло внимание спутника, Сюнь Хайши после секундного колебания последовал за ним. Приподняв тяжелую ткань, он заглянул за колонну. Там стоял платяной шкаф в человеческий рост, внутри которого, сжавшись от ужаса, сидела женщина. Рот ее был туго перевязан грубой пеньковой веревкой, прижимавшей язык так, что несчастная не могла издать ни звука.

Неудивительно, что во время недавней потасовки отсюда не донеслось ни шороха.

На женщине было простое платье из грубой ткани, голову покрывал темно-синий платок. Руки и ноги бедняжки стягивали витки толстой веревки в два пальца шириной, лишая ее малейшей возможности шевельнуться.

Се Юйсуй не спешил освобождать пленницу. Сначала он внимательно ее осмотрел.

— Неужели этот господин Лян промышлял еще и работорговлей?

Женщина не отличалась особой красотой, да и то, что ее держали в заброшенном крыле поместья, мало походило на причуду господина Ляна, решившего оставить наложницу для утех. К тому же ее прическа указывала на то, что она замужем.

Замужняя женщина... Се Юйсуй не видел иных причин прятать ее здесь, кроме как для продажи.

Сюнь Хайши равнодушно скользнул по ней взглядом. Пока князь изучал пленницу, он проверил лежащего у входа убийцу. Убедившись, что тот мертв, Сюнь Хайши незаметно выдохнул. К нему тут же вернулась привычная маска ленивой небрежности, и он вальяжным шагом подошел к Се Юйсую.

Слегка наклонившись, Сюнь Хайши окинул женщину оценивающим взглядом и негромко усмехнулся:

— С деньгами у него проблем не было, да и умом он не блестел, чтобы выстраивать сложные схемы обогащения. Работорговля требует разветвленной сети по всей стране, одним Юнчжоу тут не обойтись. Потребовалось бы координировать поставки и сбыт, а для этого у Ляна слишком куцые мозги. Если бы он действительно хотел развлечься... — Он еще раз взгляделся в лицо пленницы. — То скорее открыл бы публичный дом.

— У главы ордена Сюня, как я погляжу, богатый опыт в подобных делах?

Сюнь Хайши повернул голову. Се Юйсуй стоял к нему вполборота, демонстрируя резкие очертания волевого профиля с высоким надбровьем. В полумраке его глубоко посаженные

глаза казались бездонными, но в самой их глубине мерцали едва заметные искры.

Сюнь Хайши не понимал природы этого блеска, да и не стремился понять. Сейчас они шли одной дорогой лишь потому, что цели их временно совпадали.

— Просто насмотрелся всякого, — Сюнь Хайши выпрямился. В горле нестерпимо запершило, и он, отвернувшись, тихо закашлялся. Наконец, уняв приступ, он снова подался вперед и заглянул в шкаф, мягко сощурившись: — Если я скажу, что я добрый человек, ты согласишься?

Пленница в панике попыталась вжаться в заднюю стенку шкафа, но тесное пространство не оставляло ей места для маневра. Ей оставалось лишь завороченно смотреть на Сюнь Хайши. Сердце ее замирало от страха, но она не смела даже покачать головой, боясь, что любое неверное движение станет для нее последним.

И посреди этого удушающего кошмара она увидела, как незнакомец слегка сдвинул маску, приоткрывая невероятно красивое, почти демоническое лицо, и одними губами быстро произнес: «Я знаю тебя».

Этот беззвучный шепот переполнил чашу ее ужаса. Женщину заколотило в безумной судороге, словно она узрела самого дьявола. Ее взгляд остекленел, дыхание перехватило, и после короткой яростной дрожи она обмякла, лишившись чувств.

Все произошло слишком быстро. Се Юйсуй не заметил тайного знака Сюнь Хайши. Для него это выглядело так, будто женщина просто обезумела от простого вопроса и теперь безвольно вываливалась из шкафа.

Се Юйсуй среагировал мгновенно, подхватив теряющую сознание пленницу, и вопросительно взглянул на Сюнь Хайши.

— Неужели я настолько уродлив? — Сюнь Хайши невинно развел руками.

С этими словами он вернул маску на место, оставив открытыми лишь лукаво поблескивающие глаза.

Се Юйсую оставалось лишь вздохнуть. Расспрашивать ее сейчас было бесполезно, да и осмотр тела господина Ляна приходилось отложить. Поместье Управления по умиротворению тайло в себе слишком много странностей. Они устроили здесь настоящий переполох, однако за все время никто из слуг или стражи так и не явился проверить, что происходит, — Управление по умиротворению стояло безмолвным, точно склеп.

Не найдя иного выхода, они решили забрать пленницу с собой. Раз уж ради нее подослали целую свору наемников, фигурой она явно была ключевой.

На этот раз Се Юйсуй не стал придерживать спутника.

После того как тот на его глазах безжалостно прикончил человека, верить в рассказы о его «немощности» мог разве что круглый дурак.

Подхватив бесчувственную женщину, князь в несколько прыжков взлетел на крепостную стену. Затаившись в тени зубцов, он выждал пару мгновений. Сюнь Хайши все не появлялся. Се Юйсуй уже собирался вернуться за ним, но тут заметил силуэт главы ордена, который тяжело, но упорно следовал по пятам. Убедившись, что тот не отстал, князь скользнул вниз и растворился в ночной темноте.

Сюнь Хайши хоть и восстановил крупницы прежних сил, но запас его внутренней энергии оставался ничтожно мал. После изнурительной схватки с убийцей и без того надорванное здоровье окончательно пошатнулось. Он двигался на пределе возможностей.

Едва силуэт князя растаял вдали, Сюнь Хайши попытался последовать за ним, но ноги его подкосились. Он рухнул на колени на чужую черепичную крышу, едва успев заползти в тень. В то же мгновение его пронзила дикая, раздирающая плоть боль.

Знакомая, жгучая волна хлынула по меридианам, разливаясь по всему телу. Казалось, каждая кость ломается на куски, а мышцы рвутся в клочья, чтобы тут же срастись заново. Его словно разбирали и собирали по винтику, безжалостно и методично. Сюнь Хайши задыхался, содрогаюсь всем телом. Обливаясь холодным потом, он прижал дрожащую ладонь к груди и с трудом поднял голову.

Перед ним беззвучно соткалась темная фигура — точно такой же силуэт в черном, как и те наемники из Управления.

Сюнь Хайши бросало то в жар, то в холод. Он мазнул взглядом по чужим сапогам и снова опустил голову, пытаясь размеренными вдохами унять терзающую его боль.

Когда спазм наконец отступил, пришелец негромко произнес:

— Мой господин просил передать вам свои глубочайшие почтения, глава ордена Сюнь.

Сюнь Хайши не ответил. Обессилев, он опустился прямо на черепицу, опершись рукой сзади. Его лицо было бледнее мела, а на ресницах блестели капли пота.

Он стянул маску с лица — его и без того бледные губы окончательно потеряли всякий цвет.

Уголки его бескровных губ дрогнули в слабой усмешке:

— Ступай и спроси своего хозяина: зачем ему сдался полуживой калека? Даже если я соглашусь на его условия, мне осталось от силы три года. Когда меня не станет, Павильон

Небесной Оси возглавит другой человек, и я никак не смогу повлиять на его решения. Направлять орден — прерогатива Императора. К чему же так упорствовать ради моей скромной персоны?

Посланник стоял неподвижно, его широкие рукава шумно хлопали под порывами холодного ночного ветра.

— У господина свои соображения, — отозвался тот. — Но и вам, глава ордена, следовало бы проявить благоразумие. Тот, кому вы служите, погряз в бесчинствах. Стоит ли хранить верность тирану? Не разумнее ли выбрать более надежное покровительство?

Сюнь Хайши закинул голову к небу. Огромная, ослепительно яркая луна затмевала своим сиянием звезды, и лишь над далекими горными хребтами едва заметно мерцали крошечные искры.

Мужчина опустил на корточки и открыл лицо, заросшее колючей щетиной. На вид ему было около тридцати, но из-за некоторой небрежности во внешности он казался старше.

Встречившись взглядом с Сюнь Хайши, он серьезно произнес:

— Я говорю это лишь из заботы о тебе. Твое положение незавидно. Ты прекрасно знаешь, откуда в твоём теле взялся этот яд, так к чему упрямиться? К тому же, это средство...

— Яд давно въелся в мои кости, — перебил его Сюнь Хайши, — и только не пытайся скормить мне сказку о чудодейственном лекарстве. — Морозный воздух обжигал горло при каждом вдохе, вызывая в груди мучительный зуд.

Зажав ладонью рот, он глухо закашлялся и, когда приступ прошёл, добавил:

— Моя кончина сыграла бы вам только на руку. Зачем тогда эти бесконечные проверки и подсланные убийцы?

— Сюэ Ли, мы можем служить разным ведомствам, но оба присягали императорскому дому царства Чжу. Так к чему эти пустые речи? Нам обоим отлично известно: у императора всего двое сыновей. Младшему едва исполнилось шесть, он не готов принять бразды правления. Наследнику нужно лишь запастись терпением, и трон сам упадет ему в руки. Когда придет срок и он взойдет на престол, я, если доживу, буду преданно служить новому владыке. И тем более...

Он рассуждал о престолонаследии с пугающей легкостью, не заботясь о правилах приличия. На мгновение Сюнь Хайши умолк, одарив собеседника холодным взглядом:

— Мое нынешнее состояние как нельзя лучше устраивает тех, кто сидит на самом верху. Я ведь едва не испустил дух там, за стенами Юнчжоу.

— Раз уж вам известно, что мне осталось всего три года, почему вы так спешите? Или Его Высочество наследный принц задумал мятеж?

Сюэ Ли ошеломленно замер от столь дерзкого и прямого обвинения. Его взгляд, устремленный на Сюнь Хайши, наполнился сложной гаммой чувств.

Сюэ Ли вынужден был признать, что испытывает перед этим человеком тот же первобытный страх, что и все обитатели Цзянху. Это был леденящий ужас, проникающий до самых костей, — и это при том, что они знали друг друга много лет и когда-то сражались плечом к плечу.

Он до сих пор во всех подробностях помнил их первое совместное задание. Тогда этот хрупкий, изнеженный юноша предстал перед ним сущим демоном, восставшим из озера крови.

К тому моменту Сюэ Ли уже три года служил тайным стражем и повидал немало жестокости, но увиденное тогда потрясло его до глубины души. Еще очень долго после этого он инстинктивно обходил стороной любого, кто имел отношение к Павильону Небесной Оси.

В те годы Сюнь Хайши еще не занимал пост главы ордена и не пользовался своей дурной славой. При первой встрече Сюэ Ли решил, что император прислал им не помощника, а бесполезную красивую безделушку — очевидный щелчок по носу для наследного принца.

Объектом их покушения был древний род потомственных полководцев. Некогда они расширили границы царства Чжу, но когда пришло время сложить полномочия и удалиться на покой, отказались вернуть императору военные тигры-амулеты.

Император тогда был в самом расцвете сил, а принц едва достиг совершеннолетия. Позволить столь могущественному военачальнику и дальше плести интриги при дворе означало поставить под угрозу саму власть династии.

В царстве Чжу традиционно ценили книжников и недолюбливали военных. Самонадеянность генерала давно вызывала ропот. После нескольких безуспешных попыток усмирить его законными путями, Император наконец дождался удобный момент и санкционировал тайную расправу. Вину за уничтожение клана планировалось возложить на соседнее государство, с которым у генерала были старые счеты. Это позволило бы разжечь в народе ярость, развязать войну и в итоге аннексировать приграничные земли — но все это произошло гораздо позже.

Тайная бойня преподносилась как шанс для наследного принца доказать свою преданность и силу, однако людей ему выделили ничтожно мало. Все понимали: император до смерти боялся, что его преемник обзаведется собственной армией. Эта миссия была очевидной ловушкой, призванной выманить тайные отряды принца на свет.

Никто не мог разгадать истинные помыслы Императора.

Когда Сюнь Хайши предстал перед тайными стражами принца, те решили, что император просто издевается над ними. Прислать изнеженного юнца, не способного даже позаботиться о себе, было явным сигналом высочайшего недовольства. Лишь позже Сюэ Ли осознал глубину этого шага: Император не просто выражал недовольство, он негласно позволял принцу укреплять позиции, одновременно демонстрируя, что видит его насквозь.

В те дни Сюнь Хайши выглядел точно так же, как и сейчас: тонкий, изящный, готовый переломиться от легкого дуновения ветра. Его редкая, броская красота больше приличествовала холеному молодому господину из столичной усадьбы, нежели убийце. Он казался полной противоположностью суровым наемникам, привыкшим ходить по лезвию ножа.

Сюэ Ли не скрывал своего презрения. Он разговаривал со спутником сквозь зубы и старался даже не смотреть в его сторону.

В день штурма Сюэ Ли намеренно бросил Сюнь Хайши одного на передовой. Выждав, пока тот разберется с внешней охраной, он не спеша направился во внутренний двор поместья. Но еще до того, как его пальцы коснулись тяжелых створок, в лицо ему ударил удушливый, густой запах свежей крови.

Тяжелые дубовые ворота со скрипом распахнулись. Простой деревянный порог разделил мир на "до" и "после", обозначив границу между тихой ночью и кромешным адом.

Серый камень мостовой утопал в багрянце. Кровь струилась по швам между плитами, собираясь в ручейки, и стекала в декоративный пруд.

Всюду громоздились изувеченные тела: стражники, слуги, мужчины, женщины... Кое-где виднелись бесформенные обрубки плоти. Даже ко всему привыкший Сюэ Ли застыл на месте, не в силах опустить занесенную над порогом ногу.

И прямо посреди этого кошмара стоял хрупкий юноша. Заметив гостя, он слегка склонил голову набок.

Все то же изящное, кукольное лицо. Глаза с приподнятыми уголками лучились мягким теплом, а на губах играла безмятежная улыбка.

Алая капля скользнула по его щеке, скатилась на подбородок и сорвалась вниз, разбившись о холодный камень. И в этой жуткой тишине раздался его мягкий, певучий голос:

— В следующий раз стучи, прежде чем войти. Иначе я не ручаюсь, что не прикончу тебя по ошибке.